

Казалось, что слова людей
 Забыл я—и въ груди моей
 Родился тотъ ужасный крикъ,
 Какъ будто съ дѣтства мой языкъ.
 Къ иному звуку не привыкъ...
 Но врагъ мой сталъ изнемогать,
 Метаться, медленнѣй дышать,
 Сдавилъ меня въ послѣдній разъ...
 Брѣчки его недвижныхъ глазъ
 Блеснули грозно—и потомъ
 Закрылись тихо вѣчнымъ сномъ;
 Но съ торжествующимъ врагомъ
 Онъ встрѣтилъ смерть лицомъ къ лицу,
 Какъ въ битвѣ слѣдуетъ бою!..

XIX.

«Ты видишь на груди моей
 Слѣды глубокіе ногтей;
 Еще они не заросли
 И не закрылись; но земли
 Сырой покровъ ихъ освѣжить,
 И смерть навѣки заживить.
 О нихъ тогда я позабылъ,
 И, вновь собравъ остатокъ силъ,
 Побрелъ я въ глубинѣ лѣсной...
 Но тѣсно спорилъ я съ судьбой:
 Она смѣялась надо мною!»

XX.

«И вышелъ изъ лѣсу. И вотъ
 Проснулся день, и хоромовъ
 Свѣтилъ напутственныхъ исчезъ
 Въ его лучахъ. Туманный лѣсъ
 Заговорилъ. Вдали аулъ
 Курится началъ. Смутный гулъ
 Въ долину съ вѣтромъ пробѣжалъ...
 Я сѣлъ и вслушиваться сталъ;
 Но смолкъ онъ вмѣстѣ съ вѣтеркомъ.
 И кинулъ взоры я кругомъ:
 Тотъ край, казалось, мнѣ знакомъ.
 И страшно было мнѣ—понять
 Не могъ я долго, что опять
 Вернулся я къ тюрьмѣ моей;
 Что бесполезно столько дней
 И тайный замыселъ ласкалъ,
 Терпѣлъ, томился и страдалъ.
 И все зачѣмъ?—Чтобъ въ цвѣтѣхъ лѣтъ,
 Едва взглянувъ на Божій свѣтъ,
 При звучномъ ропотѣ дубравъ
 Блаженство вольности познавъ,
 Унести въ могилу за собой
 Тоску по родинѣ святой,
 Надеждъ обманутыхъ укоръ
 И вашей жалости позоръ!...
 Еще въ сомнѣнье погруженъ,
 Я думалъ—это страшный сонъ...
 Вдругъ дальній колокола звонъ
 Раздался снова въ тишинѣ—
 И тутъ все ясно стало мнѣ...
 О, я узналъ его тотчасъ!
 Онъ съ дѣтскихъ глазъ ужъ не разъ
 Стоялъ видѣнья сновъ живыхъ

Про милыхъ ближнихъ и родныхъ,
 Про волю дикую степей,
 Про легкихъ бѣшеныхъ коней,
 Про битвы чудныя межъ скалъ,
 Гдѣ всѣхъ одинъ я побеждалъ...
 И слушалъ я безъ слезъ, безъ силъ.
 Казалось, звонъ тотъ выходилъ
 Изъ сердца—будто кто-нибудь
 Желѣзомъ ударялъ мнѣ въ грудь,
 И смутно понималъ я тогда,
 Что мнѣ на родину слѣда
 Не проложить ужъ никогда».

XXI.

«Да, заслужилъ я жребій мой!
 Могуцій конь, въ степи чужой
 Плохого сбросивъ сѣдока,
 На родину издалека
 Найдешь прямой и краткій путь...
 Что я предъ нимъ?—Напрасно грудь
 Полна желаньемъ и тоской.
 То жаръ безсильный и пустой,
 Игра мечты, болѣзнь ума,
 На мнѣ печать свою тюрьма
 Оставила... Таковъ цвѣтокъ
 Темничинъ: выросъ одинокъ
 И блѣденъ онъ межъ плитъ сырыхъ;
 И долго листья въ молодыхъ
 Не распускалъ, все ждалъ лучей
 Живительныхъ. И много дней
 Прошло, и добрая рука
 Печалью тронулась цвѣтка,
 И былъ онъ въ садъ перенесенъ,
 Въ сосѣдство розъ. Со всѣхъ сторонъ
 Дышала сладость бытія...
 Но что жъ? Едва взошла заря,
 Палящій лучъ ея обжегъ
 Въ тюрьмѣ воспитанный цвѣтокъ...»

XXII.

«И, какъ его, палилъ меня
 Огонь безжалостнаго дня.
 Напрасно пряталъ я въ траву
 Мою усталую главу:
 Изсохшій листъ ея вѣномъ
 Терновымъ надъ моимъ челомъ
 Свивался—и въ лицо огнемъ
 Сама земля дышала мнѣ.
 Сверкая быстро въ вышинѣ,
 Кружились искры; съ бѣлыхъ скалъ
 Струилась паръ. Миръ Божій спалъ,
 Въ оцѣпенѣніи глухомъ,
 Отчаянья тяжелымъ сномъ,
 Хотя бы крикнулъ коростель,
 Иль стрекозы живая трель
 Послышалась, или ручья
 Ребятій лепетъ... Лишь змѣя,
 Сухимъ бурьяномъ шелестя,
 Сверкая желтою спиной,
 Какъ будто надписью златой
 Покрытый до-низу клинокъ,
 Бразда разсыпчатый песокъ,